

СВОБОДНОЕ СЛОВО

КАРПАТСКОЙ РУСИ

№ 9-10 (69-70)

Год издания VI-ой

1964

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ

.....

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Сергей Лесной — Историческая наука Запада в тупике	3
Д-р А. Геровский — Иосиф Штроссмайер	11
Юрий Миролюбов — О южно-русском эпосе	13
Юрий Миролюбов — Сказы Захарихи про Княжгород на Руси-реке	14
Прот. Митр. Зноско-Боровский — Мать христианка и судьба России	16
Александр Котомкин — Дандамид и Амизок (скифское предание)	17
Из творений св. Иоанна Златоустого ..	18
Мария Славянская — Кто Россию мою на Голгофе распял? (стихотворение)	20
П. Петрович — Современный папизм	20

СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ

FREE WORD CARPATHO-RUSSIAN MONTHLY

P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U. S. A.

№ 9-10 (69-70)

1964

Год издания VI-ой

Блажен, кто улыбается,
Кто с радостным лицом
Несет свой крест безропотно
Под терновым венцом;
Не унывает в горести,
В печали терпелив
И слезы копит бережно,
Их в сердце затаив.
Блажен, кто скуп на жалобы,
Кто светлою душой
Благославляет с кротостью
Суровый жребий свой;
Кто средь невзгод, уныния,
Тревоги и скорбей
Не докучает ближнему
Кручиною своей;
Кто, помня цель заветную,
Безтрепетной стопой
И весело, и радостно
Идет своей стезей.
Блажен, кто не склоняется
Перед судом молвы,
Пред мнением толпы людской
Не клонит головы;
Кто злыми испытаньями
И горем закален,
Исполненный отвагою,
Незыблем и силен.
Пребудет тверд и мужествен
Средь жизненной борьбы,
Стальной наковальнею
Под молотом судьбы.
Венеция

К. Р.

КНИГУ ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ 1914 — 1917 гг.

Можно приобрести у издателя

PETER S. HARDY

Hardy Line, TRUMBUL, Conn. — USA.

Цена 10 долларов.

Книга игумена Амвросия (Коновалова)

ИСТИНА И АПОСТАСИЯ

Цена 2,50 дол. Выписывать в редакции
„Свободного Слова”

ПОСВ. А. И.

Помолись на восток, иль вот тут, у креста,
Полюбуйся изгибами гор.
Знай, что нам не чужда этих гор красота,
Что манят и чаруют наш взор.

Наклонися к земле, ея знаки узнай,
Неизменные в тысячи лет:
Не впервой мы пришли в этот радостный край:
Здесь отыщем мы прадедов след.

В самом сердце своем ты найдешь, разглядишь
Отражения этих долин:
Скромность, благодность, мир и смиренную
тишь,
Что струятся с Карпатских вершин.

А. Нельской

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ПАМЯТНИК ТАЛЕРГОФСКИМ МУЧЕНИКАМ

строющийся в Пушкинском Парке, посылать по
адресу:

TALERNHOF MEMORIAL COMMITTEE

Michael Novash,

P. O. Box 44, Jackson, N. J.

Полный цикл эпических картин, воскрешающих
в поэтических образах древнее миропонимание и
верования наших далеких предков славян, найдете
в поэме-трилогии (в четырех книгах) **Ильи И. Терех**:

I. том (1-ая часть) „СВАРОГ”, стр. 319, дол. 2.
II том (II-ая часть) „СЛАВЯНЕ

И КАРПАТЫ”, стр. 319, дол. 2.

III том „СЕРЫЙ СВЕТ”, стр. 102, дол. 1.25

IV том „ЧЕРНАЯ ПОТЬМА”, стр. 159, дол. 1.25
Выписывать у редакции „Свободного Слова”

ОТЦЫ ДУХОВНЫЕ, распространяйте православное печатное слово среди прихожан.

Это единственный способ удержать их, при современном духовном растлении, в ограде Церкви Христовой Православной.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗАПАДА В ТУПИКЕ

Анализ послевоенных исторических работ
(Помещается в порядке дискуссии)

Если внимательно всмотреться в работы по истории Руси, вышедшие в послевоенное время на западе, нельзя не увидеть одной общей, хотя и скрытой черты, — руссофобии.

Начинается подобная тенденция, если так можно выразиться, весьма невинно: с советофобии. Скрывать нечего: политика советов принесла с собой столько отрицательного, что против этого возражать особенно не приходится.

Однако, советофобия незаметно, скрытно переходит в руссофобию: историки запада усматривают в захватнической тенденции советов прямую линию от царизма к советам. Они говорят, что дело не в режиме, а в том, что азиаты-русские всюду и всегда остаются самими собой, проводя в политике только принцип грубой силы. Этим самым между советами и царизмом ставится знак равенства и советофобия перерастает в руссофобию, а так как русское племя сейчас является самым крупным из славянских племен и к тому же политически ведущим, то руссофобия перерастает уже в славянофобию.

Не видеть этого не может только тот, кто не читал основных трудов по истории, вышедших в послевоенное время на английском, немецком, французском и других языках.

В чем же дело? Откуда это руссоненавистничество? Какова причина этой, общей всем западным народам, тенденции? Только ли захватническая политика советов служит этому причиной?

Ведь захватническая политика, колониализм сошли со сцены, вернее, только сходят, в самое последнее время, после войны. Принцип: „долой колониализм” не проведен еще окончательно всюду, он осуществляется еще на наших глазах и далеко не закончен. Давно ли народы запада отказались от захватнических войн? И не под посторонним ли влиянием этот отказ совершился? Наконец советы, как ни как, а выпустили Австрию, Финляндию из своих цепких лап.

Колониализм коммунистов имеет под собой совсем иные основания, чем страсть к захвату чужих земель. Деколониализм советов — это смерть советов. Понять это казалось бы нетрудно. Но Европа предпочитает видеть в акции советов национальную, т. е. психологическую черту всех русских. В чем же дело?

По нашему глубокому убеждению, суть дела лежит в психологии: это так называемый

„complex of inferiority”, („комплекс неполноценности”), — психологическое явление, когда кто-то чувствует свою несостоятельность по отношению к другому, его превосходство и ударяется в крайность. Он возвеличивает себя значительно выше того, что есть на самом деле (в этом грешны и советы) и одновременно с этим занимается поношением всего, что есть хорошего у стороны, который завидует.

Последняя война показала две ахиллесовых пяты Запада: 1/ Европа оказалась гораздо менее культурна, чем она казалась и считала самое себя. Именно из ее недр вышли орды изуверов гитлеровского толка, захватившие почти всю Европу и показавшие изумительные примеры варварства и жестокости. Война только показала яснее то, что было скрыто в одном из уголков „европейской культуры”, и нет никаких оснований полагать, что этого скрытого нет и в других странах запада, и в формах может быть и похуже.

Породив гитлеризм, Европа показала себя „du naturel”, без фиговых листков. Ведь никто не может сказать, что Германия не есть плоть от плоти Европы. Забыть и замолчать позор гитлеризма нельзя. Всё, что есть порядочного в Европе, отмахнуться от этого не может. Это давит тяжелым кошмаром на их сознание. Позор остается позором, и позором неизгладимым. Ведь совершенно очевидно, что виноват не только гитлеризм, но и все, кто его воспитывал, а воспитывала его вся Европа. Что Европа за это горько расплатилась, дела не меняет.

2. Когда пришла смертельная опасность для всей культуры, именно „азиаты”-русские стали основой отпора. Именно они показали беспримерные образцы силы духа, физической мощи и самопожертвования. Не в Европе, а в Крыму, в Севастополе находились героини-матросы, обвязывавшие себя связками гранат и бросавшиеся под немецкие танки, чтобы погибнуть, но и погубить врага.

Европа показывала обратное: там сдавались даже без выстрела, и без оружия (и даже штанов) возвращались на свой спасительный остров. Справедливость заставляет сказать, что и там были свои герои, но сломали хребет германцам только русские.

В Европе захламлялись от восторга успехами русских (потому что успехи были в их пользу): „Иваны” делали то, что должна была делать сама Европа, осуществлявшая толь-

ко мелкие военные операции на третьестепенных фронтах.

Криками „ура” Европа заглушила в себе чувство стыда, вызываемое тем, что кто-то другой расплачивается кровью за ее грехи. И когда в 1945-м году всё было кончено, чувство унижения было еще настолько сильно, что западные союзники уступили советам Лейпциг и огромную дополнительную зону, на которую те не имели никакого права, кроме права вымогательства.

Случилось то, чего в Европе никак не ожидали: „азиаты”-русские оказались и в моральном, и в военном отношении гораздо выше Европы, именно они явились ее действительными спасителями.

Конечно, самолюбие Европы уязвлено, отсюда тот неожиданный поток исторических „трудов”, в которых доказывается, что основы государственности и культуры заложены на Руси европейцами, это, — мол, наши выученцы.

И всё это делается тогда, когда в России норманская теория совершенно отвергнута в основном, а зарубежные русские ученые давно настаивают на самостоятельной государственности у восточных славян (Одинец, 1939; Рязановский, 1947; Ильина, 1955; Лесной, 1953-1960 и т. д.).

Создается впечатление, что возрождение норманской теории делается, так сказать, „в пику” советам, а еще более — русским: „не гордитесь, мол, — вы всем нам обязаны в прошлом”.

Наука (и истина) обращается западниками в служанку, в „Mädchen für alles”, с которой все не считаются, которую совершенно не уважают и которую трактуют только с позиции тупого шовинизма. К краткому рассмотрению тенденций современной науки Запада мы и обращаемся.

**

Искажение исторической правды происходит по многим линиям. Недавно вновь всплыла, казалось-бы, давно уже похороненная теория Тиандера, 1915, о том, что древняя Русь была колонизована на севере мирным путем шведами. Ту же мысль проводил в 1924 г. Ф. Браун. В 1946 г. в защиту этой теории выступила Н. Чэдвик; в 1947 г. ее поддержал А. Г. Мазур.

С. Г. Кросс в 1946 году настаивал на том, что скандинавы принесли славянам гончарное производство, оружие, металлические вещи и искусство кораблестроения.

В 1952 г. в двух своих работах Т. Арне отстаивал существование целых шведских колоний на Руси, в том числе в Гнездове под Смоленском.

В 1953, 1955 и 1956 гг. Стендер-Петерсен

выступил с целой теорией, согласно которой сотни тысяч шведов мирно колонизировали древнюю северную Русь.

В нашей большой работе („История руссов” изд. 1957, стр. 631-648; 733-733) мы достаточно подробно останавливались на критике работ Стендер-Петерсена. Здесь можно ответить всем сторонникам „мирного колонизаторства”, что эта теория решительно не поддерживается никакими историческими или археологическими фактами, что это даже не научная теория, а игра в науку, позорящая историческую науку Запада. Эта фальсификация истории как раз отражает страстное желание многих на западе хоть как-нибудь „подмазаться” под славное прошлое наших предков, заявив, что эти предки были шведами. Пора понять, что история это наука, а не фантазия или мифология.

Если-бы колонисты-шведы проникали на Русь и сидели на севере сообществами в сотни тысяч — должны были сохраниться следы их связей с метрополией: ведь это случилось не во времена царя Гороха, и Швеция не за тысячи километров, а рядом, и речь идет не об нескольких шведских семействах, а обо многих десятках тысяч их, о целой инвазии севера Руси.

Нет, однако, ни одного документа, говорящего о такой связи ни на шведском, ни на русском, ни вообще на каком-бы то ни было языке мира.

Далее, тысячные, компактные поселения шведов, хотя-бы и мирным путем, не могли не вызвать отпора древних руссов и местных финских племен. История об этом хранит, однако, гробовое молчание.

Наконец, если поселения шведов были, то где их остатки: домов их типа постройки, храмов, кладбищ, крепостей, остатки утвари, оружия, орудий сельского хозяйства итд.? Их нет!

Не осталось и среди современного населения ни шведских обычаев, ни мод, ни фасонов, ни типичных шведских слов, итд.

Стендер-Петерсен объясняет это тем, что всё это с веками растворилось в местном населении. Как-же могло это раствориться, когда мелкие, рассеянные, дикие финские племена от Финнского залива и до Урала сохранились до самого последнего времени, и уж во всяком случае до конца царского режима благополучно существовали под именами: чухонцев, ижорцев, води, корелы, зырян, самоедов итд.

Почему именно эти малокультурные племена и на колоссальных пространствах не „растворились”, а высококультурные шведы „растворились”? Ведь речь идет, согласно Стендер-Петерсену, о десятках тысяч сплоченных людей сильной нации, а национальность не меня-

ется так легко, как белье. Почему в Германии до сих пор сохранились лужичане, а в России шведы исчезли и притом бесследно?

Наконец, если люди „растворились”, то не могли раствориться камни, остатки железных, бронзовых, костяных, деревянных итд. предметов обихода. Такое кричащее противоречие здравому смыслу нисколько не смущает Стендер-Петерсена, ибо он верен своему научному методу: мечтанию в дыму ароматной сигары.

Другие норманисты употребляют иной прием: они провозглашают археологические предметы явно не шведского происхождения шведскими. Кросс считает, что шведы передали руссам оружие. Как мы показали в нашей статье („Возрождение”, декабрь 1960, Париж), в арсенале руссов нет ни одного оружия шведского типа, более того, на всей территории Руси не найдено ни одного крылатого шлема, ни одного боевого топора, типичного для шведов.

Там-же мы показали, что гончарный круг пришел в Скандинавию значительно позже, чем на Русь. Русская керамика 9-го, 10-го и 11-го веков найдена в Дании, в Швеции (Бирка, Лунд, Сигтуна) и на острове Готланде, — что является свидетельством мастерства руссов и, как следствие, экспорта товара за границу. Там-же мы указали, что от искусства мореплавания шведов на Руси не осталось ни малейших следов.

Арне пытался доказать, что в Гнездове было множество норманских погребений. Авдусин, 1953, показал, что из 138 курганов, на которые ссылался Арне, только один оказался скандинавским. В период с 1949 г. и по 1953 — было раскопано еще 98 курганов, но среди них не найдено ни одного норманского.

Еще более несостоятельным и беспредметным оказалось утверждение Арне, что шведские колонии в древней Руси можно сравнить с опорными пунктами, основанными французами и португальцами в Индии: нигде не найдено ни малейших следов этих опорных пунктов-крепостей. Наконец всякая крепость означает насилие, а там, где насилие, там и восстания, войны итд., но история не донесла ни одного сведения о подобных войнах. Вместе с тем это предположение Арне явно противоречит постулату о мирном проникновении шведов, массового колонизаторства на Руси он не допускал.

Арне считает, далее, женские погребения киевского некрополя скандинавскими. Допустим! Позволительно, однако, спросить, а как-же мужские? Неужели мужья были славяне, а жены скандинавки?

Арне не понимает самых простых вещей: 1/ находки, если даже допустим, что они скан-

динавские, — единичны, 2/ различные женские украшения поступали на Русь, во первых, путем торговли (прямой или через посредников), во вторых, украшения поступали в виде подарков от различных посольств к князю и его окружению (известно, что особое внимание уделяли подаркам для жен и дочерей князей и знати), в третьих, русские князья нередко женились и на скандинавках, а со свитой жены появлялись и женские украшения), наконец, каждый русс, будь то посол, торговец или воин, естественно старался, будучи за границей, привезти домой подарки матери, жене, сестре итд.

Арне был-бы прав, если-бы скандинавские украшения, или вообще предметы, были найдены во многих и притом не столичных пунктах. Нахождение же их в столице может показывать только, что между Киевом и Скандинавией были политические и торговые отношения. Так по крайней мере мог бы рассуждать непредубежденный исследователь, и уж он, конечно, не забыл-бы, факта что в древнем Киеве до сих пор не найдено ни одного западно-европейского денария, а уж что-то, а деньги должны были быть найдены, если существовали оживленные сношения. Впрочем Арне таких вещей просто не знает.

Не углубляясь в дальнейшие доказательства за их полной ненадобностью, отметим, что теория мирного проникновения шведов на Русь является совершенной, просто-таки, беспардонной выдумкой. Она является отражением того болезненного психического состояния, когда поддавшись скуке, серости и однообразности современной жизни, ищут кислосладкого утешения в воображаемых картинах прошлого.

**

Почти все норманисты не упускают случая подчеркнуть другую, якобы, важную роль норманов или скандинавов — торговую и, что самое главное, торговлю сквозную, транзитную.

Что скандинавы торговали с периферией северной Руси: Псковом, Новгородом, Ладогой, Холмогором на сев. Двине (ныне Холмогоры!), не подлежит никакому сомнению, но торговля эта не была транзитной.

Торговые операции скандинавских купцов в центральных частях Руси или проезд через них — плод одной фантазии.

В доказательство приведу следующие соображения:

1. Полное отсутствие исторических сведений об иностранных купцах транзитниках и притом на протяжении многих столетий.

2. Отсутствие вещей скандинавского проис-

хождения, т. е. того, чем они, яко-бы, торговали.

3. Отсутствие денег скандинавского происхождения до первой половины 11-го века на юге Руси, т. е. того, на что скандинавы должны были покупать.

4. Отсутствие торговых путей: а/ дороги проходили по совсем ненаселенным местам, б/ речные пути были огромной длины, в тысячи километров, в/ волоки посуху были совершенно неналажены, г/ пути были далеко небезопасны, д/ и проходили по землям множества народов.

5. Грузоподъемность судов была ничтожна по сравнению с теми расходами, которые требовались на тысячекilометровых путях. Никакой товар не мог себя оправдать при таких тратах. Экономически такая торговля была совершенно невыгодна.

По пункту первому отметим: представление, что по древней Руси можно было свободно разгуливать, является просто насилием над истинной. Русь в древности была совершенно непроницаема для иностранца, как в 19-м веке Африка для европейца.

Если-бы транзитные купцы действительно существовали, мы непременно имели-бы сведения об их убийстве, ранении, ограблении, краже товаров, драках, выкупах купцов, протестах иностранных государств, смерти купцов в пути итд. Ведь речь идет о промежутках времени в целые столетия, а люди везде люди. Однако, история не сохранила нам ни одного подобного случая. Все, что отмечено, касается периферийной торговли, в самом ядре Руси торговля осуществлялась исключительно русскими купцами.

По пункту второму отметим, что даже на периферии Руси предметы заграничного происхождения крайне редки. Русь не столько покупала, сколько продавала (главным образом меха, шкуры, воск, мед итд.). Импортировались вина, пряности, словом то, чего на Руси не было, но в основном Русь получала за свои товары драгоценные металлы, которых на месте не было.

По пункту третьему отметим: согласно последней работе Янина (1956 г.), подытоживающей результаты всех находок кладов на Руси, в Киеве до сих пор не найдено ни одного западно-европейского денария для эпохи 9-го — 10-го веков.

По пункту четвертому отметим: когда Владимир Великий захотел наказать своего непокорного сына Ярослав, он прежде всего отдал приказ: „теревите дороги!“

До сих пор еще в России пути сообщения являются самым слабым пунктом, что же го-

ворить о том, что было за 1000 лет?!

Не существовало ни географических карт, ни справочников, ни профессии проводников, пути часто вовсе не были проложены, либо неизвестны иностранцам.

Путь из Скандинавии на юг проходил речными, но бедно населенными путями, следовательно ни продовольствия, ни товаров, ни вспомогательной рабочей силы на длинных, в десятки верств волоках посуху, купцы не могли получить.

На сотни и тысячи километров надо было везти всё своё до последнего гвоздя. Наконец, в самую пору путешествия, т. е. в половодье, Волга представляла собой, с ее разливом на десятки километров, непроходимую сеть протоков, островов, мелей, заливов итд. Заблудиться было крайне легко.

Наконец, все волоки, или промежуточные мелкие речушки представляли собой ловушки для купцов, в которых ограбить их не представляло труда, если они даже были вооружены. Стоило только устроить лесной пожар, завалы из срубленных деревьев итд.

Когда-же вдоль Волги начинались более населенные места, являлось новое препятствие: вожди племен на берегах брали с купцов 1/8 — 1/10 часть товаров за проезд по их землям. Так как племен было много, то доходить до места назначения могла только крохотная часть товаров.

По пункту пятому отметим: грузоподъемность ладей была незначительна, кроме того надо было их перетаскивать посуху десятки верст, это конечно весьма ограничивало их величину. В ладьях должны были быть запасы пищи и питья, одежды, утварь, различные приспособления и инструменты: весла, паруса, катки, колеса, веревки итд., наконец должны были помещаться и люди. Значит для товара оставалось очень мало места.

Долгота пути (в тысячи километров), многомесячная длительность его, невероятная трата сил и средств, пошлины, итд., не говоря уже об опасности, делали такие торговые поездки совершенно невозможными и мы добавим, особо подчеркивая, что за всю историю неизвестно ни одного случая, чтобы кто-либо из Скандинавии добрался до Каспийского моря.

В иных условиях была торговля периферийная. Пересечь Балтийское море занимало максимум пять суток, столько-же вероятно уходило на плавание по Финскому заливу, далее несколько дней по Ладожскому озеру до порогов на Волхове, у которых располагалось Гостинное поле, являвшееся концом пути иноземных купцов. Поездка отнимала, вероятно, не более 30-40 дней, не надо было брать больших запасов пищи итд., ибо всё это для обратного

пути можно было достать и в Новгороде.

Значит оставалось место для товаров в судах, которые могли быть значительного размера, ибо волоков на пути не было и путь пролегал по глубокому фарватеру.

Развозка товаров от Гостинного поля совершалась уже русскими купцами. Опасностей в пути, кроме пиратства, особенных не было, не было и пошлин. Те грабежи купцов, о которых дошли исторические сведения, были грабежами своих, русских купцов. Любителей легкой наживы было не мало, и если уж грабили своих, то что говорить о чужих!

Теория транзитной торговли иностранцев через Русь в древности, — плод невероятного пустословия. Каждому защитнику этой теории мы предложили бы одно: проехать современными водными путями из Ленинграда по Волге, тогда бы они поняли, что представление о торговле этим путем в древности совершенная бессмысленность.

**

Некоторые норманисты, как, например, Дворник (1949 г.), Кирхнер (1950 г.) и другие приписывали норманам роль защитников Руси от нападения азиатских кочевых орд, — объяснение совершенно необоснованное, ибо: 1/ норманы приглашались в столь незначительном числе (самое большее несколько тысяч), что не могли оказать решительного сопротивления ордам из десятков и даже сотен тысяч, 2/ история не сохранила нам ни одного случая, когда норманы сыграли бы приписываемую им норманистами роль.

Наемное войско играло совсем иную роль: это была сила, на которую князь опирался не во внешне-, а во внутренне-политических делах. Норманы бывали личной охраной князя, своего рода жандармерия для внутреннего порядка и подсобная сила в мелких междуусобных войнах.

Приписываемая норманам роль является совершенно прозрачной выдумкой, отражающей желание во чтобы-то ни стало найти важное значение для норманов.

**

Особенное внимание, начиная с Соловьева, норманисты уделяют объединяющей роли норманов (в последнее время Парис, 1949; Оттокар, 1950; Галецкий, 1952 итд.), но утверждение их только недоразумение.

Да, действительно, Олег объединил Новгород и Киев, но акт этот совершился только ценой жизни Аскольда и Дира. Никакой крупной акции государственного характера не совершилось, произошел только небольшой дворцовый переворот. Подробностей мы не знаем, но все существующие исторические версии сходятся

в одном: Новгород и Русь были уже связаны друг с другом до Олега.

Русская летопись говорит о том, что Аскольд и Дир были боярами Рюрика, отпросившимися в Царьград, но на пути самовольно осевшими в Киеве. Олег, показав им малолетнего Игоря, сказал: „вы не князья и не княжеского рода, а вот кто имеет право княжить!“ Олег только усмирил непокорных бояр, которые отказались выполнять приказы Новгорода. Тем самым показана уже существовавшая зависимость Киева от Новгорода, которая была еще до Олега.

Другой русский источник (Иоакимовская летопись) говорит, что Аскольд и Дир по приказу Рюрика освободили киевлян от ига хазар, но впоследствии стали самостоятельными, уклоняясь от подчинения Новгороду.

Третий источник („История Киева“, ныне погибшая, но выписки из которой сохранены Штраленбергом) сообщает, что Аскольд и Дир были последними представителями киевской династии Кия, но провели свое детство по неизвестным причинам в Новгороде и, будучи отпущенными для неизвестных целей в Царьград, только в этот момент были извещены о своем происхождении. Затем они осели в Киеве.

Все эти три версии сходятся в одном: еще до Олега Киев был в зависимости от Новгорода. Олег только восстанавливал поправные права Новгорода. Даже основная русская летопись, которую уж никак нельзя упрекнуть в пристрастии к Новгороду, и та принимает зависимость Киева от Новгорода в середине 9-го века. Никакого нового объединительного этапа не наступило, связь Киева с Новгородом была, Олег только перенес столицу в Киев и тем перенес центр тяжести политики на юг.

Наконец, вся его деятельность была на Руси и для Руси. При договорах с греками он клялся не скандинавскими, а славянскими богами. Он был руссифицированным норвежцем или, выражаясь современным термином, натурализованным иммигрантом, связанным с Русью прежде всего сестрой и племянником.

Мы не можем отрицать, что Екатерина 2-я была чистокровной немкой, но она стала православной, говорила и писала по-русски и окружали ее: Потемкины, Орловы, Румянцевы, Безбородки итд., словом, она жила на Руси и для Руси, но величие последней создано русскими, а не немецкими руками. Тоже самое и с Олегом.

**

Особенно повезло теории об организующем государственном начале норманнов. В последнее время об этом писали: Маннинг, 1947; Спектор, 1950; де-Рейнольд, 1950; Зэте, 1956, и многие другие.

К сожалению, все указанные авторы забывают, что норманы (если таковые появились на горизонте древней Руси) встречались здесь уже с прочно установившимся государственным строем, и ничего нового не внесли и не могли внести, ибо в культурном и социальном отношении древняя Русь была значительно выше Скандинавии. В настоящее время спора об этом уже быть не может, так как даже скандинавские авторы с этим согласны. Прежнее мнение основывалось на ложном перенесении представлений о Московской Руси на Киевскую Русь.

Все измышления новейших историков о государственном начале норманов рассыпаются при чтении следующих слов на первой-же странице русской истории: „Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву”.

Не посадника, не старосту, не старшину искали себе северные руссы, а князя. Из этого видно, что „князь” не был для них новинкой, как форма государственного правления, они знали, что искали. К моменту изгнания варягов северная Русь имела совершенно установившийся, существовавший веками, государственный строй. Иоакимовская летопись ясно говорит, что до этого момента было уже по крайней мере 8 поколений князей, и эти князья были славянами, с родоначальником Владимиром, которого мы предложили назвать Древнейшим.

Даже норманист Одинец, 1935, в работе: „Возникновение государственного строя у восточных славян”, вынужден был признать наличие этого строя еще задолго до призвания варягов.

Не только понятие „князь”, но и понятие „город” было уже освоено Русью несколько столетий до этого. И напрасно Штёкль, 1947, видит в городах на Руси доказательство варяжского господства. Города на Руси сложились издревле, и именно скандинавов удивляло огромное количество городов на Руси, тогда как в самой Скандинавии и притом значительно позже, городов было всего 7. Эта особенность Руси дала основание для названия ее скандинавами „Гардарики”, т. е., „Страна городов”.

Наличие многих десятков, вернее сотен городов (см. работу Тихомирова, 1956 и нашу, 1958) показывает прежде всего не только политическую зрелость страны, но и, в первую очередь, развитие ремесел и торговли. Древняя Русь, как социальная единица, уже в 9-м веке была на весьма высокой ступени общественного развития, далеко превосходила в этом отношении дикую и бедную Скандинавию 9-го века.

Поэтому представление, что менее культурные и более бедные скандинавы развивали

культуру Руси, принадлежит к самым необоснованным. Ошибка заключается в том, что переносят представления о дикой, татарской Руси, с культурой, низвергнутой татарами вниз по крайней мере на 300 лет, на предыдущие века, когда Русь была одной из передовых стран Европы.

**

Известная группа западно-европейских историков, напр., Леритье, 1946; Блюм, 1957; Кирхнер, 1950 и др., считает, что скандинавы принесли на Русь феодальные формы общества, забывая, что Скандинавия стала на путь феодализации позже Руси, во всяком случае не ранее 10-го, 11-го веков.

Все попытки изобразить скандинавов в роли крупных землевладельцев на Руси заранее обречены на неудачу в силу многих причин. Прежде всего земледелие, в особенности на юге Руси, на много веков древнее земледелия Скандинавии, где суровый климат, лесистость итд. не дают возможности получать такие урожаи, как на юге. Земледелие не играло ведущей роли в хозяйстве древнего скандинава, отсюда его бедность. Поэтому крупное частное землевладение появилось там значительно позже, чем на Руси.

Во вторых, феодализация страны зависит не от отдельных людей, а от внутреннего развития самой страны, это естественный процесс роста и развития, и уж разумеется, не имеет значения, кто управляет государством: скандинавы или китайцы. Дело не в национальности управителей, а в зрелости самой страны.

Наконец, вообще неверно, что скандинавы были крупными землевладельцами на Руси. Единичные случаи пожалования князем земель своему скандинавскому воеводе отнюдь не означало влияния скандинава на Русь и введения какой-то новой общественной формы. Это означало только, что скандинав на службе у князя пользовался теми-же правами, что и русские воеводы.

В факте получения земли ничего специфического скандинавского не было, скандинавы плыли в фарватере славянской стихии. Опять-таки количество скандинавских воевод было ничтожно и пожалование им земель еще не означало перехода последних в вечное их владение.

Лица, пожалованные князем землями, пользовались только доходами с земель и могли создавать на них свое собственное хозяйство, но земля оставалась княжеской. Сам князь не сидел постоянно на одном княжестве, переходил с одного на другое по правилам старшинства, естественно, что и личное окружение князя следовало за ним на новое княжество и по-

лучало уже другие земли. Наконец, князь мог дать, князь мог и взять обратно земли, что мы можем видеть в истории на множестве примеров.

Только значительно позже земли, пожалованные князем, стали полной собственностью пожалованного, но и здесь нельзя переносить явления последующих времен на предыдущие. Князь жаловал селами, деревнями и даже городами, но речь шла главным образом о доходе с указанных населенных мест, ибо системы уплаты из казны нормированного жалования тогда не существовало и только впоследствии деньги-„жалованье” стали нормой уплаты за услуги государству.

Таким образом феодализм на Руси был, но в разное время, естественно, в разных формах и был продуктом естественного развития русского государства, а не каким-то импортированным из Скандинавии предметом.

**

Наконец, самой избитой, без конца повторяемой, является теория о завоевании Руси норманами. Большинство, даже норманистов, совершенно ее оставило, но она живет глубоко в подсознании и все время появляется на поверхности в отношении деталей истории.

Прежде всего о завоевании Руси норманами нет решительно никаких данных ни в русских летописях, ни в западно-европейских хрониках. В „Повести временных лет” есть указание, что руссы на севере платили дань варягам. Но уплата дани, однако, вовсе не означает завоевания данной страны, это значит, что страна предпочитает не воевать, а откупиться. Так неоднократно поступали Рим, Византия, Англия итд., — из двух зол выбирали наименьшее, а война была наибольшим.

Кстати отметим, что „дань”, как политическая акция, не является изобретением норманов (еще гунны брали ее с Византии). Мы имеем основания даже полагать, что „дань” в Англии явилась славянским изобретением. В работе нашей (1957, стр. 597-599) мы указали, что так называемые „danengelt”, т. е. „данные деньги”, взимавшиеся в Англии, видимо, только после 787 г., являются отражением того, что в составе нападавших отрядов было много славян (вероятно из Полабья /Эльбы/ и Прибалтийского приморья). Именно они требовали откупа — „дани” и это славянское слово в обиходе и в самой Англии под названием „danengelt”.

Что наше объяснение вполне правдоподобно, видно из того, что Уорд, 1954., предложил, в сущности, то же объяснение. Уорд полагает, что варяги заимствовали дань из опыта Византии, затем перенесли это на славян, и, заимствовав

это славянское название, перенесли практику его уже и на Англию.

Искусственность и сложность этого построения очевидна. Дело было проще. Саксон Грамматик прямо называет отряды нападавших на Англию „смешанными войсками данов и славян”, очевидно возобладав термин большинства. Это же сообщение Саксона Грамматика объясняет многое: термин „варяг” не означал собой „скандинав”, „норман” или „викинг”. „Варяг” было имя профессии, а занимался ею целый ряд северных народов, не исключая и славян. А что доля последних была немалая, видно из того, что именно их термин „дань” был во всеобщем употреблении.

Поэтому, когда мы встречаем в летописи: „и изгнаша варяги за море”, это еще не значит, что изгнали скандинавов, в высшей степени вероятно, что среди этих варягов были и славяне, именно руги, славившиеся своими разбоями на Балтийском море.

Вообще связь варягов с Византией может быть понята только при условии, что многие из них были западными славянами: ругами итд., ибо только знание языка могло дать им возможность при тогдашних путях сообщения возникнуть из Прибалтики в Черноморье.

Другое упоминание о подчиненности северных руссов варягам мы находим в Иоакимовской летописи, где сказано, что князь Новгорода Буриной после долгой войны был, наконец, разбит на голову у реки Кюмени (граница с Финляндией) и бежал в свои отдаленные владения.

Новгородцы, однако, недолго терпели гнет варягов (но были-ли это скандинавы — мы не знаем), выпросили у Буриной его сына Гостомысла и, как тот явился, восстали и варягов прогнали.

Этот временный успех варягов (кем-бы они ни были) нельзя возводить в какой-то принцип. Временные неудачи бывают во всех войнах и у всех народов. Наконец и формально Русь не была покорена: Буриной продолжал княжить в своих восточных владениях, столичная часть была только временно оккупирована.

Недавно кроме того мы обратили внимание на одну из летописей, где об изгнании варягов сказано: „Беша варяги из-заморья” итд. Значить речь шла не о восстании против варягов, а о том, что варяги из-заморья приехали за данью, но дани им не дали, а посланцев прогнали. Поэтому нет ни слова о восстании, битвах, удачах и неудачах, кто был во главе событий итд. Восстали не против варягов, а против уплаты дани. Этим дело и кончилось. А варяги явились за данью, узнавши о неуряди-

цах, смерти Гостомысла, итд., рассчитывая в суматохе погреть руки.

Принимая во внимание все вышеизложенное, мы должны сказать, что у нас нет решительно никаких данных о том, что скандинавы когда-то продолжительное время владели северной Русью, — всё это одни только голые предположения, основанные главным образом на том, что имело место на Западе. Однако, история этой аналогии не подтверждает.

Мы видели выше, как с разных сторон подходят норманисты, чтобы непременно навязать древней Руси не существовавшую политическую, культурную, общественную, торговую итд. зависимость от Скандинавии. Все это — сплошные выдумки.

Мы намеренно остановились на изложении взглядов норманистов послевоенной эпохи и не коснулись норманистов довоенного времени. Между теми и другими есть, однако, весьма существенная разница: довоенные норманисты не знали множества фактов из области археологии, документов, соображений, ставших известными уже после войны; норманисты-же послевоенные либо этих фактов вовсе не знают и не желают с ними знакомиться, либо намеренно умалчивают о них, как если-бы они вовсе не существовали. Наконец, ни один из них ни словом не упоминает зарубежных русских антинорманистов, делая вид, что они вовсе не существуют.

Это обстоятельство показывает, что мы имеем здесь дело не с наукой, а с чем-то иным. До чего доходит их беспардонность видно из того, что пишущи историю России, они ни словом не упоминают, что их история официально признана ненаучной в той стране, историю которой они пишут.

Можно, конечно, не соглашаться с мнением советских историков, но замалчивать их мнение может только тот, кто вовсе не считается с научной истиной. Такая „объективность” является настоящим позорищем исторической науки Запада.

Вдумчивый читатель, конечно, может спросить: „но, ведь, это шарлатанство должно когда-нибудь кончиться? Неужели никто и ничто не может восстановить правды?

Конечно, всё имеет конец, будет конец и норманистскому дурману, но как это совершится, кто сыграет в этом решающую роль, сказать трудно. Есть три возможности. Первая: наука Запада сама поймет, что зашла в тупик, но это маловероятно. Это означает, что тысячи томов надо будет объявить дребеденью, не стоящей той бумаги, на которой они напечатаны. На это у историков Запада просто духу не хватит, ибо это означает повалить всех своих бо-

гов и перейти в другую веру или, проще говоря, признать полную свою несостоятельность.

Есть еще одно препятствие, не позволяющее восторжествовать истине: кастовая замкнутость, царящая в исторической науке Запада. Многое там основывается на личных, материальных интересах, которые не позволяют Иксу критиковать Игрека. Историки варятся, так сказать, в собственном соку, напоминая тесные сообщества алхимиков, астрологов, теософов, хиромантов итп., где всё основывается на вере в основные, но ложные идеалы, а от этих-то почти врожденных, всосанных с молоком матери идеалов они сами не в силах отказаться.

Обыкновенный культурный европеец, конечно, читает только свои книги и верит только своим авторитетам, часто совершенно не подозревая, какие бессмыслицы преподносятся ему, как последнее слово науки. Словом, с этой возможностью дело обстоит плохо.

Другая возможность заключается в том, что советские ученые, наконец, поймут необходимость решения этого вопроса раз и навсегда в интернациональном масштабе и предложат открытый дуспут, перипетии которого будут освещаться периодической печатью всего мира, как когда-то спор Кювье с противниками, и таким образом откроют глаза народам всех культурных стран.

Но для этого надо быть настоящими патриотами, а не патриотами по форме, а по содержанию марксистами. Для этого надо перестать верить, что Рюрик был „конунгом”, что Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский это одно и то-же лицо, что шайки норманов свободно разгуливали по Руси итд. До этого советская историческая наука еще не доросла.

Наконец, есть третья возможность: „руссы в рассеянии” возьмут инициативу в свои руки и начнут кампанию в разных странах на родных языках этих стран за восстановление истины, за реабилитацию наших предков. „Толпыце и отверзется!”

Какая из этих возможностей осуществится первой, сказать невозможно. Сказать можно только одно: положение нетерпимо, вековой спор пора кончить, и кончить в пользу наших славных предков.

.....

Русские люди, вашими пожертвованиями в ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

вы можете нам вести борьбу за душу народа. Ее калечат и приносят народу бесчисленные бедствия коммунизм и папизм. Наша цель: восстановить православное и народное мировоззрение, ибо в нем залог победы над темными силами коммунизма и папизма.

.....

ИОСИФ ШТРОССМАЙЕР

Речь, произнесенную хорватским епископом Штроссмайером на Ватиканском Соборе (1869-1870) о необоснованности папских притязаний на главенство в Церкви и непогрешимость, была помещена в 61-66 н. „Свободного Слова“.

Чтобы дать возможность познакомиться с этим исследованием возможно большему числу русских людей, мы отпечатали его отдельной брошюрой.

Русские люди, распространяйте эту книжечку среди тех, которые поддались демагогической и антихристианской папской пропаганде. Выписывайте вашим знакомым, так называемым восточно-обрядцам и русским римокатоликам. Христианин не может быть равнодушным, пассивным, „теплым“ к судьбе ближнего, обманутого папской ересью или подающегося хитросплетенной пропаганде Ватикана, преследующего чисто политические цели.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся!

Отцы духовные, распространяйте эту речь в приходах.

Об авторе этой речи д-р А. Геровский сообщает в предисловии к брошюре следующие интересные данные:

Иосиф Штроссмайер родился в крестьянской семье в 1815-м году в городе Осьеке в Хорватии. Там же он окончил гимназию. Затем он учился в духовной семинарии в Дьякове, а потом окончил духовную академию в Будапеште, где получил степень доктора философии в возрасте 21 года. В 1815-м году он был рукоположен во священники. Затем прослужил два года на приходе в Петро-Варадине. В 1840-м году он отправился в Вену, где получил в Августинеум-е, высшем римо-католическом духовном училище, степень доктора богословия, после чего его назначили профессором семинарии в Дьякове. В 1847 году его вызвали в Вену и назначили придворным капелланом, префектом Августинеума и профессором канонического права в Венском университете. В Вене Штроссмайер познакомился с А. И. Добрянским. Они оказались единомышленниками. Добрянский в то время был императорским представителем при русской армии, спасавшей императора Франца Иосифа от мажарских повстанцев.

В конце 1849-го года Штроссмайер был назначен епископом в Дьяково. Умер он в 1905-м году на своем посту в Дьякове, прослужив там в качестве епископа 55 лет.

Из этих кратких биографических данных уже видно, что он был незаурядным человеком. Вот что пишет о нем новейшая официальная р. к. итальянская энциклопедия (т. 3. стр. 995): „Человек высококультурный, динамического

темперамента, выдающийся оратор. Своими речами на классическом латинском языке он выдвинулся на Ватиканском соборе (1869-70), на котором он произнес незабываемые речи на темы о католической доктрине, о священической дисциплине, о жизни и честности духовных лиц, о католической вере и о непогрешимости Римского Понтифекса“.

Епископ Штроссмайер был горячий патриот не только хорватский, но и югославянский.*) Он не только проповедывал югославянскую идею, со включением болгар, но, не покладая рук и не боясь ни римского папы, ни австрийского императора, делал все возможное для распространения югославянской идеи. Епархия его была очень богата и он расходовал все её громадные доходы на национально-культурную работу.

В 1861-м году он основал в Загребе югославянскую академию наук, а в 1866-м университет. Он основывал во всей Хорватии-Славонии народные школы, он поддерживал и развивал югославянское чувство среди населения Далмации, которая Веней была передана в полное владение ничтожному итальянскому меньшинству, не достигавшему даже пяти процентов населения Далмации. Он помогал материально и морально далеким болгарам, пробуждавшимся в то время от многовекового сна. В Болгарии он принял участие в судьбе братьев Миладиновых, посаженных турками в тюрьму по доносам австрийского посла в Константинополе, и он дал им средства на издание первого сборника болгарских народных песен.

Епископ Штроссмайер заинтересовал югославянским вопросом историка и начальника папского тайного архива Тейнера, который благодаря Штроссмайеру и его материальной поддержке собрал и опубликовал документы папского архива касающиеся южных славян.

Штроссмайер был открытым сербофилом и руссофилом к большому неудовольствию Вены и Рима. Он дружил с белградским сербским православным митрополитом и ездил к нему в гости в Белград, где его торжественно встречали как брата.

Он переписывался с многими русскими в России. В 1888-м году, во время киевских торжеств по случаю 900-летия принятия св. Владимиром христианства, он послал в Киев восторженную телеграмму, вызвавшую озлобление в Вене и Риме. Когда вскоре после этого импе-

*) Хорваты и сербы — один народ. У них один и тот же язык. Разница только в вере. Римокатолик — это хорват, православный — серб. Хорваты употребляют латинскую азбуку, а сербы — кириллицу.

ратор Франц-Иосиф приехал на маневры в город Беловар в епархии Штроссмайера, который был приглашен на банкет устроенный местными властями в честь императора, Франц-Иосиф встретил его весьма грубо, упомянув телеграмму, которую он назвал „не только государственной но и церковной изменой”, Епископ ответил ему: „моя совесть чиста” и не явился на банкет.

Имя Штроссмайера прогремело на весь мир во время первого Ватиканского собора, на котором он произнес несколько речей. Две из них вызвали бурю негодования среди присутствовавших епископов-итальянцев, составлявших большинство членов собора.

Когда он говорил на тему о католической вере, он резко протестовал против нехристианского отношения Рима к неримокатоллическим христианам, и между прочим, против грубых выражений употребляемых в официальных документах составленных для собора, в которых протестанты были названы „чумой”. Во время этой речи многие члены собора прерывали его возгласами: „Люцифер”. „Это еще один Лютер”, „Будь ты проклят!”, „Долой его!”, „Вон!”. Председательствующий кардинал был вынужден закрыть заседание.

Еще больше возмутились члены собора речью, которую он произнес 2-го июня 1870 года, доказывая необоснованность предложенного папой Пием IX догмата о непогрешимости папы. Он в ней доказывал на основании исторических данных абсурдность догмата, и на то, что такой догмат сделает невозможным воссоединение христианских церквей.

Штроссмайер был не один в своей оппозиции против догмата о папской непогрешимости. Таких же взглядов как и он придерживались и многие другие епископы, в особенности французские, например, архиепископ парижский и архиепископ орлеанский Дюпанну, который называл Штроссмайера лучшим оратором собора, а также некоторые американские, немецкие и австрийские епископы, как например, архиепископ кельнский Мелхерс, который назвал Штроссмайера, „блестящим явлением и оратором не имеющим себе равного”.

Во время первого голосования, 13-го июля 1870 года, присутствовало шестьсот епископов, из коих 150 отказались принять участие в голосовании. Второе, окончательное голосование состоялось 18-го июля. За три дня до этого голосования 170 епископов покинули Рим. В конечном итоге за догмат непогрешимости голосовали 443 епископа, из коих три четверти были итальянцы. Не все голосовавшие за догмат были епископы возглавлявшие епархии. Всего в это время было во всем мире 917 римокато-

лических епархий. За папскую непогрешимость не высказалось даже половина р. к. епископов.

Штроссмайер на соборе настаивал на том, чтобы Курия (папское правительство), состоявшая исключительно из одних итальянцев, была реформирована и чтобы в число ее членов были включены и епископы других стран, то есть он настаивал на том, что только недавно обещал сделать покойный папа Иоанн XXIII.

Штроссмайер был открытым враг иезуитов и предостерегал неоднократно свой народ, чтобы их ни в коем случае недопускать не только в государственные, но и в церковные школы. Его не послушались. Иезуиты забрали в свои руки некоторые гимназии и даже семинарию в Загребе. Павелич, убивший в 1934-м году югославянского короля Александра, возглавлявший во время второй мировой войны „Независимую Державу Хорватскую”, и истребивший несколько сот тысяч православных сербов, — был воспитан в иезуитской гимназии.

Епископ Штроссмайер не только выступил против догмата о папской непогрешимости на соборе, но он и после Ватиканского собора отказывался в течение двух с половиной лет опубликовать в своем епархиальном еженедельнике догмат о папской непогрешимости. Опубликовал он его только в январе 1873-го года. Как сказано в официальной американской католической энциклопедии, том XIV, стр. 316, от 1912-го года, он известил своих единомышленников-коллег по Ватиканскому собору, что он „подчинился только для вида” (“outwardly”).

А. Геровский

НА РОЖДЕСТВЕ

Освещен веселья дом,
Рождество справляет,
Без сомненья ёлка в нем
Звездами сияет.

Пляска, пенье, шум да гам,
людям развлеченье,
Хорошо бы крепко там
Было и моление.

Вот берозочка и ель
Бога прославляют,
Не спугнет лесной их зверь,
Небесам внимают...

Снег повсюду, снег кругом
Белизной сверкает,
И под праздничным шумком
От восторга тает.

Макушинская

О ЮЖНО-РУССКОМ ЭПОСЕ

Наши ученые до первой мировой войны почти сплошь „норманисты”, говорили: „на юге России эпоса не сохранилось.”

Это было голословное утверждение, ибо никто из господ профессоров не потрудился съездить в деревню, поискать, послушать и записать. Нам, жившим именно в деревне, и вблизи народа, известно, что на юге России было сколько угодно легенд, верований, преданий, сказок, сказов (даже длинных), изустных поэм, передававших древнюю традицию русов. Этими преданиями и эпосом никто не интересовался! Профессор „барин” и не мог их услышать, так как мужики при нем умолкали. Баре, де, считают это „баловством” значит, „при господах” об этом нечего и заикаться. Этому помогали еще воспоминания о недавнем крепостном праве. Были еще деды, ходившие в молодости „на зарщину”. Простой человек не скоро начинает верить барину.

Древнейшим передатчиком традиций племени был сказатель, или бард; он пел, вторил себе на гусях, кобзе, или бандуре и пересказывал речитативом прошлое племени: битвы, победы, переселения, тяжкие и радостные минуты.

При сказатели был еще прорицатель, указатель воды, он же водичар, знахарь-травоед. Уже к первой мировой войне зачастую бард и знахарь были в одном лице. В настоящее время, на 46 году советской власти, они вывелись повсюду, между тем они были пережитками родовой структуры народа. За ними была глубокая древность.

Таким образом народный эпос оставался в народе, но до „господ” не доходил. Среди разнообразных событий прошлого, удержавшихся в народном эпосе юга Руси, было и такое: „За (часы) царя Панька, та земля була тонка, ногами копнешь и — воду пьешь”. Это явное воспоминание если не ледяного периода, то во всяком случае, болотно-лесного Дреговичи, „дрегва” — болото). Там действительно были повсюду места, где вода была близко поверхности. Достаточно было копнуть, чтобы в ямке собралась вода. Таков характер местности в полесских лесах. Там обычных погребов не делают, ибо зимой, весной и осенью в них будет вода. Для хранения картошки вырывают в земле неглубокую, но широкодонную яму, ее обмазывают толстым слоем глины, втаптывают в него соль, и насыпав соли на дно, накладывают мелких веток, соломы, и выжигают. Когда работа кончена, вычищают это помещение. Глина от огня запекается, а соль дает „полуду”, через которую вода не прохо-

дит. Помещение заполняют картошкой с древесным углем (чтобы не гнила!) и закрывают сверху соломой. В таком хранилище, хотя бы кругом все текло, обычно бывает сухо, и картошка хорошо сохраняется всю зиму.

Южно-русский эпос, особенно в сказах (например, „Сказы Захарихи”) сохранял черты прошлой жизни, обычаи древности, и разные события, о которых мы больше ничего не знаем.

Крестьянская организация, или деревенский „мир” была еще отголоском „вервия”, или „матичы”, заменившей род, как начальную форму союза семей для замозащиты. Еще ходили „десятские” и „соцкие” с медалями и суковатой палкой в руке, а на краю села стоял столб, и на нем ржавая вывеска: „деревня Гуляево, домов столько-то, мужского пола столько-то, женского — столько-то. Все это сохранилось со времен архаических, когда первыми князьями Киевской Руси — Кием и другими — взимался налог натурой, с каждого „дыма”, т. е. очага, и следовательно — семьи. Тогда же было введено и деление воинов — мужчин, по десяткам и сотням, а их вожаки были „десяцкими” и „соцкими”. Эти названия существовали в Стрелецких полках до Петра Первого, а в деревне они остались до революции 1917 г. Таким образом южно-русский эпос еще имел на что опереться — „мир”, „дым” и другие пережитки древности. Все это было, конечно, еще языческим, но языческим оно было в прошлом, а в настоящем оно стало народным, на чем жила, как на почве, русская народность. Между тем архиереи и губернаторы всячески эти обычаи и „русскую почву” искореняли, лишая таким образом русский народ его почвы. Это тоже одна из причин, почему народ не доверял „господам”.

Зимой, ранней весной и поздней осенью делать людям было нечего. Молодежь сходилась на „вечерицы”, обычно у какой-либо вдовы. Там девчата выпыгвали, вечеряли, танцевали, пели песни, и там же кто-либо рассказывал „про старовину стародавнюю”. Здесь и царствовал полностью эпос, фольклор, сказы, сказки, поведки, думы, предания. Это были несомненно еще языческие собрания, хотя о прежних богах там говорилось мало. Попасть туда „барину” было просто невозможно. Мне приходилось бывать, поэтому могу сказать, что там никакого „рукам хватания” не было, все было чинно, весело, но без всякого распутства, описываемого христианским проповедником (см. примечания Ильи Тереха „Славяне и Карпаты”, Нью Йорк, 1941 г.). Хлопцы и девчата меня

на вечерницы приглашали, потому что я среди них жил, вырос, и они меня любили, как своего. Народ чувствовал, что я его уважаю, и он меня уважал. Я не был в его глазах „паном“, хотя меня они часто величали „паньчем“. Южно-русский эпос рождался в этой среде, потому что так все шло еще от дедов.

Потребность в театре и музыке у народа была, а удовлетворить ее он не мог иначе, как своими силами и средствами. Здесь было и хоровое пение, и гармония, и бандура или кобза. Случалось присутствовать при весьма интересных песнях, как в смысле языка, так и содержания. Там же я слышал и Захариху, которая позже жила у нас, во дворе, в летней кухне, где и скончалась. Пользовалась она от нас решительно всем, что нужно, и помогала раз в неделю печь хлебы, которые всегда пекли в большой печи, в летней кухне. Летом же готовили во дворе, на „кабице“, печи на открытом воздухе. Мать очень любила Захариху и сама она к нам привязалась всем сердцем. Это была чудесная женщина, энергичная, добрая, веселая и очень разумная.

На вечерницах она декламировала то на распев, то речитативом свои Сказы. Первоначально, будучи мальчиком, я не понимал великого значения этих сказов, но когда Тихон Петрович Попов, наш инспектор и учитель истории, услышал от меня про Захариху, он заставил меня записывать сказы. Вскоре их набралась целая большая записная книга. Судьба была мне благоприятна: я все потерял, но почему-то сохранил эту книгу! Теперь я ее изучаю, вспоминаю, и стараюсь расшифровать стертые от времени, карандашные записи. Разобранное я печатаю то там, то здесь, как удастся, и несколько сказов напечатал в „Жар-Птице“, когда редактировал ее, т. е. от 1956 по 1959 г. включительно. Другие сказы были напечатаны в „Свободном Слове“ (Ньюарк, Нью Джерсей), карпаторусским журналом.

О сказах я говорил в Праге проф. Нидерле, в 1921-22 г.г., но он прочтя их, вернул мне, не сказав ни слова. Он был „норманистом“, и Сказы шли в разрез с его работой! Проф. Д. П. Вергуну он сказал: „если я их приму всерьез, мне тогда надо переделывать все мои работы по „Slovanské starožitnosti“! Наоборот, Д. П. Вергун был в восторге от Сказов и требовал, чтобы я трудился, не уставая, над изучением славян и их прошлого. Мир праху его! Это был восторженный друг всего славянского!

Такова история южно-русского эпоса. Мною сделан кой-какой отбор материалов, и все, конечно, остается непечатанным.

Содержание южно-русского эпоса, по Сказам Захарихи, — героические сказы про степ-

ных царей, русов, Ярусланов, про „Ириев, Скочев, Къльцев“, и „Сказы про князя Кия“.

Юрий Миролюбов
Сан-Франциско, Цалифорния, США, 1963.

СКАЗЫ ЗАХАРИХИ ПРО КНЯЖГОРОД НА РУСИ-РЪКЪ

Ото ж послѣдняя паля дубовая
с того часу на порошину сгнила,
тай камень той, на якому вона лежала,
струхлявився, на пѣсок распався,
и вже ж не одна гора посчезла,
и богато рѣчок повысохло,
а ты, род человекій, живешь еще
и про князя Кья в Княжгородѣ не забыл еси.
А было так, аще прѣйшов Кый
З Роды свои, племена, на Русу-рѣку,
и находил тамо стар-градо,
а теж бо княжгород на Русѣ,
и то была стара вѣжа,
Та ярком кругом неглыбокий,
та дривьтни — пали дубовыя
Кругом насторч натыкани.
И то все было так старе
аже само валилося от рук,
и кажен мог оси пали урвати,
тай до дому однести — огницу палити.
И тож Кый зряв, и тако рѣк вон:
— Люди нерадивы, люди ленивы,
идит уси до роботы, абыж княжгороду
ани ворог ниякий легчѣ не подбався! —
Тай шли люди и труждалися,
И скоро вежу збудовали крѣпцю,
тай городнечу зробили повну.
Та став тамо Кый и видит,
ащо розны племены до граду лѣзут.
Та огнав одно, так другое лѣзет,
а побив його, так и третее.
Одойшов тоды Кый далѣ до полноче,
и там у Борьщагы на Днѣпру,
на Славуги-батькови град новый ставив,
и та ставба Кыевом сталася,
Кыевом славутным у Полянах.
А прийшла до Кіева Брянщина,
подивилась, покивала, и хлѣба привезла,
рыбы сухой, зеленины, абы кияне
гладом не терпѣли, не страдали.
И почали русы-кияне землю рати,
просо сѣять, скотину плодить,
и гряницы берещи от ворога.
А скоро Руса с полуноче шла,
тай тая под Кія ставилася.
Скоро и Брянщина прихожовала,
и та князеви Кію подлягалася.
Стало князтво киевское великое,

сильное та могутное одразу,
и ворогы його боялися крѣпце.
Далася до Кія Волоть Горыня,
тай Летичя Древлянская.
И скачут гоньчи до князя, та кричат:
— Отож Зміюка до Горыни лѣзет!
Лѣзет она великая, тай люди хватает! —
Забрав Кій меча-кладенца с собою,
забрав войско комоньске, тай поскакав,
тай зміюку вбив, тай живот йому споров,
тай люди живые з него выпущав.
А та зміюка у бляхах мѣдних,
а на тѣх бляхах орля одбито.
Атож розумѣй, аще бо можешь.
Слава Кію, слава коропам!
а що тѣ ворога зміюку забивали,
а родну русу бѣды позбавляли.

Записал Юрий Миролюбов

В. Кашкаров

О Д И Н О К А Я

В кофте заплатанной, в юбке исподней,
Дремлет у печки старушка вдова.
Близится праздник великий Господний,
Близится светлая ночь Рождества.

Сыро и пусто в светелке убогой:
Вместо кровати две голых доски.
Тикает маятник с точностью строгой
Песнь заунывную жгучей тоски.

Грустно мяукает старая кошка;
Жалобно воеет Барбос под окном.
Ночь бесконечная смотрит в окошко...
Дайте забыться страдалице сном!

Дайте одну ей минутку забвенья —
Горя тяжелого много у ней,
Душу в конец истерзали сомненья,
Страх за обоих своих сыновей.

Где они, бедные? Что с ними случилось?
Живы-ли оба? Погибли-ль в бою?
В сердце тревога, тоска и усталость;
Мысль неотлучно в далеком краю.

Карты-ль разложит, о милых гадая,
В церкви-ли молится — слезы бегут;
Нету им удержа, нету им края...
Смилуйся, Господь, страшен Твой суд!

Жметя к хозяйке голодная кошка.
Пса одичавшего слышится вой...
Дайте старушке забыться немножко!
Дайте на миг ей желанный покой!

Холодно, сыро в убогой светелке.
Снег и морозы стоят с Покрова.
Топливом служат порожние полки;
Разве под силу купить ей дрова?

Вещи последние сбыты торговкам;
К светлomu празднику нет ни гроша.
Тело привыкло к нужде, к голодовкам,
К горю привыкнуть не может душа.

Мышь запищала и мечется кошка.
Стукнул о печку упавший костыль.
Дайте старушке забыться немножко,
Дайте забыть ей текущую боль.

Страшная сказка судеб наших повесть —
Горе, унынье, голод, нужда.
Люди забыли и Бога, и совесть,
Жалости к ближнему нет и следа.

Отдых измученным только могила.
Сладок их мирный и вечный покой...
Сжался над сирьми, Крестная Сила!
Сжался над Русью, Судья Всеблагой!

В РЕДАКЦИЮ „СВОБОД СЛОВА ОТ ПОДПИСЧИЦЫ З. В. МАКУШИНСКОЙ

Прошу поместить на страницах журнала „Свободное Слово” нижеследующее: полученный мною № 67-68 хотя и не обширен, но очень ценен. Читаешь его наравне с „Житиями Святых”, ибо искренние, задушевные поветствования о великих подвижниках и страдальцах Карпатской Руси, живших сравнительно не так давно, вызывают умиленные слезы и удивление. Как мог православный человек все терпеть безропотно, сохраняя свои последние силы, истерзанные безсовестными дьявольскими людьми!

Приписать сие возможно только Единому Всеблагому Богу, дарующему дивное самообладание избранным Своим к вечному блаженству.

Липецкий Монастырь никогда не уйдет из памяти. Слава русским, чистым православным душам! Только они и могут все это перенести и не оставить своей веры в Господа.

Весьма жаль, что в те 13-14 годы, когда я была достаточно сознательной, находясь на своей родине, я не могла, не будучи информированной о том, пережить, хотя бы мысленно, все перенесенное своими русскими людьми.

Также вероятно правительство наше неосведомленное об этом, не могло ничего предпринять в помощь страдальцам.

Желательно, чтобы этот номер разошелся в большом количестве.

16 Дек. 1964 г.

З. Макушинская

МАТЬ — ХРИСТИАНКА И СУДЬБА РОССИИ

В св. Серафимоском храме в Си Клиффе, в ознаменование 1.100 летия Державы Российской, священ и установлен, в резном художественном киоте, Державный Образ Той, Которая стоит во главе земного Материнства, как в его радости, так и в скорби его.

Что же послужило основанием для подобного ознаменования недавнего юбилея? — Глубокая вера, что Русь-Россию спасет православная Мать-Христианка.

Ни в одном народе не почитается ныне Мать так, как почитается она в нашем угнетенном, страждущем народе православном. Мама — Мамочка и ныне остается для русского человека-христианина словом святым.

Достоевский, предсказавший кровавые ужасы интернационала в России, говоря о русской женщине, отмечает ее правдолюбие и трудолюбие. — „Она правдива и более трудолюбива, чем мужчина” — говорит Ф. М. Достоевский, и ей — продолжает он — принадлежит спасение общества; — „не только в семейной жизни, но и в широких кругах, ей прежде всего принадлежит самое обновление русской жизни”. Не одинок в своей вере в русскую женщину Достоевский. Ему вторит в этом иностранец Шуберт. — „Коммунизм, говорит Шуберт, противоречит природе русской сущности. Женщина является смертельным врагом большевизма, и женщина победит его. Мы имеем серьезное основания надеяться, что Русский народ спасет женщина русская”.

История русской женщины, в нашей литературе, открывается пленительным повествованием о Пречистой, как Матери всех страждущих, как покровительнице сырых, и, затем, пленительным образом Ярославны, плач которой на путивльской стене переживается нами, через века, как плач нашей Матери, жены, дочери и сестры, ибо плачет Ярославна не только о любимом человеке, где-то в ранах лежащем на поле брани или мучающемся в плену у неверных; она плачет о всей русской земле, полной несогласия и терзаемой поганином... Перед нами встают образы и многих других девиц и стариц с их пленительной простотой, с их доверчивостью, верностью правде жизни и живым чувством долга.

Да, нам ныне могут сказать, что этой верно-сти правде жизни и своему призванию изменила русская женщина. Нам укажут на героинь Каменского, Андреева, Куприна; Вербицкой и др. Нам скажут, что все эти героини затмили собою образ и тип Ярославны, что на самое дно жизни пала чистота женщины русской... Но нет. Это лишь „плод дьявольско-

го водевилы, разыгравшегося в бунте против Бога, это плод мужского сеяния в мире сем”. Мы знаем и твердо утверждаем, что русская женщина, с сердцем, пронзенным острым мечем страданий, выплакала свои слезы очистительные и разнузданности марксова-материализма отвечает словами одного из героев Лескова: — „На современность смотреть нам нечего — мы живем вне современности”.

„Русская женщина в беде не сробеет, спасет; коня на скаку остановит, в горящую избу войдет”, — говорит мудрость народная. Слова этой мудрости-пословицы всецело оправдываются на нашей женщине-Матери страдальце там, в России, интернационалом терзаемой. Она, во истину, „смело вошла в горящую избу советского быта, на скаку остановила коня советского разврата и отстояла достоинство семьи, Семью отстояла”. Есть большие и веские основания утверждать, что русская женщина-христианка там, в России, внутренне ощущает свое страшное и великое назначение в мире, свою ответственность за Россию, как страну Христа и Богоматери. Сознанием этой ее ответственности и будет спасена Россия.

Если здесь в обстановке свободы исповедания веры, в окружающей нас среде, редко видим мы матерей, как чистых дев, умеющих сказать мужчине Доброе слово Веры и Правды, коими создается личность; „если видим мы ее здесь подобной кукле, стремящейся физически господствовать над мужчиной, превращая из людей в хрюкающее стадо... то там, на Руси, объятай страшным пламенем ненависти ко Христу, выступает перед нами верующая женщина Мать не с зеркальцем и пуховкой в руках, а с Евангелием, с молитвой, с Живым Христом, в ее сердце и в ее сознании запечатленным, выступает она на поприще семейное и общественное”.

Лично пребывание пишущего эти строки в Стране Страданий Слез и Рабства, непосредственное там наблюдение над русской женщиной в годы 1939-1944, пастырское духовное общение и наблюдение за всем, что ныне там творится, дает нам основание утверждать, что в жертвенности русской женщины на страждущей Руси есть элемент первохристианства. И ныне с нею, с нашей русской православной женщиной соединена Мать Божия таким страданием, перед глубиной которого содрогается сердце.

Убоялись некогда апостолы и, на время, оставили своего Божественного Учителя. Враги Христа полагали, что все конечно, что они по-

(Продолжение на стр. 19-ой)

Александръ Котомкинъ

ДАНДАМИДЪ И АМИЗОКЪ

Скифское преданіе

Разъ на скифскій станъ богатый
Налетѣли савроматы
Всѣхъ въ оковы взять.
Скифы шли на подвигъ славный
Побѣдить въ борьбѣ неравной
Или смерть принять.

Былъ средь скифовъ побѣжденныхъ,
Грознымъ недругомъ плѣнныхъ,
Славный Амизокъ.
Въ плѣнъ врагами уводимый
Крикнул онъ, тоской томимый,
— „Жребій мой жестокъ!“

Дандамидъ, мой другъ безцѣнный,
Вспомни кубокъ драгоцѣнный:
Нашу клятву — кровь!
Я отчизну покидаю
И тебѣ напоминаю
Дружбу и любовь!” —

То не въ полѣ пылъ клубится,
Дандамидъ отважно мчится
На своихъ враговъ.
Поднять щитъ, звенить кольчуга,
Онъ за названнаго друга
Умереть готовъ.

Оголчились савроматы,
Копья острые подъяты,
Другу смерть грозить,
Но, обычаю соблюдая,
Дандамидъ свой мечъ бросая,
— „Зиринъ!“* говорить.

Вотъ, онъ въ ставкѣ савроматской,
Вѣрный клятвѣ дружбы братской
Предъ вождемъ стоитъ.
И за друга дорогого
Просить онъ врага лихого,
Смѣло говорить:

— „Савроматовъ вождь могучій,
Звонкихъ стрѣлъ грозовой тучей
Станъ родной разбить
И въ борьбѣ съ тобой неравной,
Совершая подвигъ славный,
Князь нашъ палъ на щитъ.

Нѣтъ со мной коней и злата,
Но за названнаго брата
Умереть готовъ.
Вѣдь, мы пили крови чашу —
Сохраняти дружбу нашу
Во вѣки вѣковъ.

Сжался ты надъ бѣдной долей,
Не томи его неволей,
Отпусти со мной.”
Усмѣхнулся вождь надмѣнный;
— „Лишь за выкупъ драгоценный
Будетъ плѣнникъ твой!” —

— „Все готовъ отдать за брата,
Быть готовъ я безъ возврата
Плѣнникомъ твоимъ!
Но смягчи ты друга долю,
Отпусти его на волю,
Сжался ты надъ нимъ!” —

Дандамиду вождь отвѣтилъ:
— „Видишь ты, какъ мѣсяць свѣтелъ
Надъ моимъ шатромъ!
Завтра солнце засіяетъ,
Туча съ громомъ заиграетъ
Въ небѣ голубомъ!” —

Но тебѣ мрачнѣе ночи
Будетъ жизнь — за друга очи
Я твои возьму!”
Но на приговоръ суровый
Дандамидъ безстрашно снова
Отвѣчалъ врагу:

— „Что мнѣ въ небе мѣсяць ясный,
Что мнѣ солнца лучъ прекрасный,
Что мнѣ звѣздный свѣтъ!
Все не дорого, не мило!
Все на свѣтъ мнѣ постыло,
Если друга нѣтъ!”

Прикажи, чтобъ наточили,
На горнилахъ раскалили
Острія мечей!
Пусть судьба моя жестока,
Но за друга Амизока
Мнѣ не жаль очей!” —

**

Вѣрнымъ слову скифъ остался
И съ очами распрощался
Среди тяжкихъ мукъ,
Но изъ вражескаго рабства
Въ честь Любви Святой и Братства
Вывелъ друга другъ...

Ужаснулись савроматы...
Ихъ шатры съ зарею сняты,
Каждый въ даль спѣшитъ...
Такъ Любви поднявши бремя,
Спасъ свое родное племя
Вѣрный Дандамидъ.

* Выкупъ

ИЗ ТВОРЕНИЙ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО

О пастырском служении

Овцы твои и козы твои не выкидывали; овцы стада твоего я не ел; растерзанного зверем я не приносил к тебе, это был мой убыток; ты с меня възскивал, днем ли что пропадало, ночью ли пропадало; я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убежал от глаз моих. (Бытие, 38-40). Указывая на эту речь Якова к Лавану, св. Златоуст продолжает:

— Видишь ли неусыпность пастыря? Видишь ли напряженное старание? Какое оправдание могут иметь те, которым вверены пастыри словесные и которые оказывают нерадение и каждодневно, по слову пророка (Иезек. XXXIV, 3-4), одних овец закаляют, а других оставляют без всякого попечения, хотя и видят, что их то пожирают звери, то похищают чужие люди, хотя здесь труда меньше и забота легче, так как (здесь) руководствуется душа, а там много труда и для тела и для души.

Послушай, что говорит: я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убежал от глаз моих. А может ли кто ныне сказать, что для спасения своих пасомых он подверг себя опасности и бедствиям? Из нынешних (пастырей) никто не может отважиться на то, чтобы сказать это. Один только Павел, учитель вселенной, мог с дерзновением говорить это, и даже больше этого. Но где же, скажет кто-нибудь, потерпел Павел такие труды? Послушай, что он говорит: кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся. (2 Кор. XI, 29). Вот пастырская любовь! Падение других, говорит он, усиливает мои собственные страдания; соблазны других, усиливают мою скорбь. Ему должны поревновать все, которым вверено водительство словесных овец; и пусть и не будут хуже того, который показал такую неусыпную заботливую о бессловесных и при том в течение стольких лет! Там, если бы и была небрежность какая-либо, — не было бы беды; а здесь, если и одна словесная овца погибает, или будет похищена зверем, — большая потеря! Величайший вред, неизобразимое наказание! Если Господь наш не отрекся пролить за нее собственную кровь, то будет ли заслуживать какого-нибудь снисхождения нерадеющий о том, который так почтен от самого Господа, и не исполняющий своего долга в попечении об овце? —

О ЛЮБВИ К БОГУ

Павел так пламенел духом, так горел любовью к Богу, что, выражаясь достойными своей

души словами, сказал: Кто отлучит нас от любви Божией (Рим. VIII, 35)? Смотри, какая выразительность в этом изречении, какая сила господствующего чувства души, какая пламенная любовь! Кто отлучит нас, — то есть, может ли быть что-нибудь такое, что лишило бы нас любви к Богу, видимое ли что-нибудь, или невидимое?

Желая и в подробности исчислить нам все случаи и показать всю неодолимую силу любви своей к Господу, он присовокупляет еще следующие слова: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? О, душа, пламенеющая восторгом, который есть мать смиренномудрия! Какие напасти, говорит, могут удалить нас от любви к Богу? Скорби ли каждодневные? Никак. Тяжелые обстоятельства? Нет. Гонения? Нисколько. Что же? Голод? Нет. Опасности? Но что я говорю о голоде, о наготе, об опасностях? Не меч ли? Но и смерть, говорит он, если бы мне угрожала, не сможет этого сделать: все будет безуспешно, все бессильно. Никто другой не удостоился столько возлюбить Господа, как эта блаженная душа. Он говорит, все так, как бы уже отшелся от тела, воспарил, так сказать, к небу и уже не думает, что еще ходит по земле. Стремление к Богу и пламенная любовь к Нему переселили его ум от чувственного к духовному, от настоящего к будущему, от видимого к незримому. Такова то вера и любовь к Богу! А чтобы видеть на самом деле его благомыслие, посмотри, как он, столько возлюбив Господа и пламенея в стремлении к Нему, в изгнании в гонениях, бичеваниях, переноса тысячи всяких ужасов, говорил о себе: был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях между лжебратиями, в труде и изнурении (Кор. XI, 23-27). И терпя все это, он еще радовался и веселился: он знал и вполне убежден был, что временные труды ведут его к величайшим воздаяниям, что бедствия приготавливают для него венцы. Если Иаков по любви к Рахили считал семь лет за несколько дней, то еще более все почитал за ничто блаженный Павел, однаж-

Заказывайте брошюру — Штрессмайер „О наместничестве и непогрешимости пап”.

Цена (с пересылкою) 30 ц.

ды навсегда воспламенившись любовью к Богу и претерпевая все за Христа, которого возлюбил. Постараемся же, умоляю, и мы возлюбить Христа. Ничего другого Христос, по Его же изречению (Матф. XXII, 37), и не требует от тебя, как любви к Нему от всего сердца, и исполнения Его заповедей. Кто любит Его так, как должно любить, тот, конечно, старается уже и заповеди Его соблюдать, — потому что, если кто искренно расположен к кому то, старается все делать, чем может привлечь к себе любовь возлюбленного. Таким образом и мы, если истинно возлюбим Господа, будем и заповеди Его исполнять и не станем делать ничего такого, что может раздражать Возлюбленного. Удостоиться любить Его искренно и как должно, это — царство небесное, это — вкушение блаженства, в этом — блага неисчислимы. А наша любовь к Нему будет искренна тогда, когда по любви к Нему мы будем любить и своих ближних, — **на сих**, сказал Он (Матф. XXII, 40), **двух заповедях утверждается весь закон и пророки**, то есть, в том, чтобы возлюбить Господа Бога своего всем сердцем, всею крепостию своею, всею мыслию своею, и своего ближнего, как самого себя. Это — главная из всех добродетелей, это основание всех заповедей Божиих. С любовью к Богу сама собою соединяется и любовь к ближнему, потому, что кто любит Бога, тот не будет презирать брата своего, не будет предпочитать богатства своему сочлену, но будет делать ему всякое добро, вспоминая о Том, Кто сказал: так-как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне (Матф. XXV, 40). Помышляя, что услуги, оказанные ближнему, сам Господь всяческих усвоит Себе, он будет делать все с великим усердием, покажет в милосердии всю свою щедрость, взирая не на убожество являющегося к нему человека, а на величие Того, Кто сделанное для убогих обещает усвоить Себе самому.

Беседы на книгу Бытия 55
.....

Кто Россию мою на Голгофе распял?
Кто казнил там Царя и Царицу?
И в угаре чужом Трон Российский наш пал,
А в вертеп превратили столицу!...

В годы те родились мы только на свет,
За ошибки Отцов все мы держим ответ.
С их пути подняли мы терновый венок,
Но в сердцах для России нашли уголок.

Как реликвию хранили в душе!
Берегли, как зеницу, язык в чистоте,
Прививали мы детям к России любовь,
Сохранили культуру мы наших Отцов...

1964

Мария Славянская

(Окончание с стр. 16)

бедили... Но смотрите: Жены апостолам проповедуют, они приводят апостолов к пещере, „идеже бе лежало Тело Иисусово“. Так и Мать-Христианка Россию поднимает от мрака неверия, ее Христу вернет. Мы в этом глубоко уверены. И в этой вере и лежит основание решения отметить 1.100-летний юбилей Державы Российской освящением Образа Той, Которая и ныне вдохновляет наших девушек, жен и Матерей в подвигремой России на подвиг Веры и Верности Христу.

Прот. Митр. Зноско-Боровский

СОВРЕМЕННЫЙ ПАПИЗМ

До второй мировой войны, во время короля Александра I и после, Югославия жила совершенно мирно и спокойно. В ней жили православные, католики и мусульмане. Самый большой католический город был Загреб, где жил латинский архиепископ Степинац.

Митрополит Доситей жил в центре города Загреба и очень часто присутствовал на богослужении в православной церкви, куда он почти всегда приходил пешком. Был он очень скромным, к каждому относился с любовью и после службы Божией почти всегда оставался при церкви, чтобы поговорить с верующими о их нуждах. Его дом был открыт для каждого и можно было видеть его в любое время без всяких докладов.

Православных в Загребе было немного, но в провинциях Лика, Кордун было православных очень много.

Церковь православная в Загребе была в центре города на площади, а напротив находилась редакция католической газеты „Вечер“, очень шовинистической и часто бывало, что приходящие в церковь выслушивали по своему адресу всякую ругань. Митрополит Доситей на это не обращал никакого внимания. Так было до войны.

После начала войны в апреле 1941 г. в Загреб прибыли „ушташи“ с вождем Павеличем под защитой немцев и начались гонения на православных. Православные были объявлены вне закона и они не имели права ни служить в армии, ни на государственной службе, ни даже иметь свой храм.

Однажды во время Богослужения в открытую дверь храма полетели камни. Когда верующие закрыли храм, камни полетели в окна и стали падать посреди храма. Собравшаяся католическая толпа всякими площадными словами оскорбляла церковь, митрополита Доситея и молившихся. Так повторялось несколько

